
РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на: The Routledge Handbook of the Byzantine City.
From Justinian to Mehmet II (ca. 500 – ca. 1500) / Eds. N. Bakirtzis,
L. Zavagno. – London, New York: Routledge, 2024. – 508 p.**

Александр Сергеевич Козлов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
alarich@olympus.ru, https://orcid.org/0000-0002-9203-9169

**Review: The Routledge Handbook of the Byzantine City.
From Justinian to Mehmet II (ca. 500 – ca. 1500). Eds. N. Bakirtzis,
L. Zavagno. London, New York, Routledge, 2024, 508 p.**

Alexander S. Kozlov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
alarich@olympus.ru, https://orcid.org/0000-0002-9203-9169

Подход к исследованию византийского города, в разной степени присущий всем авторам рецензируемой книги, может удивить российского специалиста, привыкшего воспринимать такой город как аксиоматическую историческую данность. Уже в вводной статье издатели рассматриваемого сборника, Н. Бакирцис и Л. Заваньо, по сути заявляют о том, что с понятием «византийский город» не все так просто (р. 3, 10–11, 14), а далее, в разделе «Теория и историография» тот же Л. Заваньо, а потом в соответствующих статьях М. Вейку и Ч. Саради говорят о необходимости ревизии выводов тех археологических изысканий, которые подвергали сомнению существование *византийского* города. В самом деле, до систематических раскопок, результаты коих обобщались такими специалистами как Д. Клод, К. Фосс, В. Брандес и др., западные византинисты, обращаясь к темам урбанистики, оперировали в основном данными письменных источников. Позже, как известно, археологи стали подвергать сомнению прежние исторические сценарии и начали констатировать экзистенцию чуть ли не запредельного многообразия византийских полисов – старых или новых, с древними зданиями или без них, укрепленных или нет, с епископами или без них, и с очень разными формами развития, в зависимости от того, где в империи они находились. Подобное состояние проблемы отражает и рецензируемая книга.

Например, Майкл Дж. Деккер презентует как раз такую ситуацию в соответствующей историографии, заявляя о плюрализме «методологий (именно так! – A. K.) византинистских урбанистических исследований» (р. 73–90). Различия между регионами державы ромеев и историческими периодами ее развития, по его мнению, стали казаться специалистам настолько большими, что большинство последних исследований ограничились регионально и хронологически, например, Малой Азией до появления турок или Грецией после прибытия славян: первая стала характеризоваться как сельская местность, вторая – как городской процветающий регион.

Между тем редакторы сборника демонстрируют намерения отойти от таких «ограниченных подходов» (*partial approaches*). Благодаря своему опыту в эвристике и герменевтике археологических материалов византийской Эллады и Малой Азии они, как следует из логики рецензируемой книги, обладают серьезными возможностями преодолеть региональные различия в этих материалах, а потому привлекают в качестве соавторов специалистов по другим аспектам развития Византии и сопредельных с ней регионов, включая всю Италию и Ближний Восток, – используя новейшие методики изысканий в областях политической истории и филологии, искусства и архитектуры, не стесняясь вторгаться в тонкости цивилизаций Османской империи и итальянских торговых республик. Однако в силу подобного размаха цель и методики книги выглядят, с одной стороны, расплывчато, а с другой – построены не

на конструировании, а на отрицании: «избежать довольно традиционного таксономического анализа городского феномена в соответствии с четкими линиями интерпретациями политики, экономики, административной и военной сферы» (р. 2). Правда, далее следует некоторое уточнение: проект «предусматривает их (т.е. «линий интерпретации» – *A. K.*) полное включение в хронологические и междисциплинарные рамки, которые охватывают как воображаемое, так и воспринимаемое, идеальное и прагматичное, монументальное и социокультурное течение жизни, характерное для византийского городского опыта» (р. 3). Содержание перечисленных здесь объектов внимания исследователей редакторы расшифровывать не спешат, и читателю приходится зачастую проделывать это самому, по мере чтения сборника.

Не менее важным представляется тяготение большинства авторов книги к мысли, что хотя византийский мир и не был «городским» в современном понимании этого слова, его rôle играл гораздо более весомую роль, чем город его европейских соседей. Для доказательства этого в рецензируемом объемном томе, состоящем из 24 работ, делаются попытки, во-первых, рассмотреть как можно больше аспектов обозначенной темы и, во-вторых, применить весьма многообразные, в том числе и спорные, подходы к познанию византийского урбанизма (в основном раннего и поздневизантийского периодов). Это, по мнению Н. Бакирциса и Л. Заваньо «обеспечивает как хронологическую, так и тематическую перспективу изучения византийских городов, объединение литературных, документальных и архивных источников с учетом археологических раскопок, материальной культуры, искусства и структуры, что приводит к богатому синтезу средних региональных и субрегиональных трансформаций византийских традиционных ландшафтов» (р. 4–5). Подобный масштаб задачи объясняет, почему рецензируемая книга расчленена на четыре раздела, предполагающих к рассмотрению следующие четыре группы вопросов: теоретический аспект проблемы и ее историографию, географию и ее влияние на византийский урбанизм, архитектуру и искусственную среду (*sic!*! – *A. K.*), повседневную жизнь и материальную культуру. Как мы видим, специальных, привычных для российских византинистов, разделов, посвященных городской экономике, социальной структуре и ее динамике, менеджменту города и т.п. композиция книги не предусматривает. Однако, следует заметить, в отмеченные разделы включены, кроме всего прочего, и специализированные, весьма узкопредметные статьи, о которых следует сказать отдельно.

Здесь уместно оговориться, что заявленные масштаб и широта предмета исследования, явно превышающие объем презентуемой книги и эрудицию самого квалифицированного рецензента, как ни странно, мешают рассмотрению таких аспектов темы, которые в последнее время стали весьма актуальны для понимания византийского урбанизма, – тема многообразия форм сельской глубинки, тема уровней насыщенности городами (и селами) разнообразных территориальных ниш, тема конкретной природной среды.

Результат такого рода тематического нонсенса в сочетании с фокусированием на *urban phenomene* и вышеупомянутом «опыте» более всего заметен в довольно скрупулезном исследовании У. Серин «Византийский город Малой Азии» (р. 139–171). В самом деле, будучи сориентирован на концепцию сборника, автор не может не преподнести процветание центров Антальи и Трапезунда как типичное явление, хотя корректнее было бы говорить об его исключительности (ср.: р. 156–159). В итоге турецкая исследовательница упускает из виду упадок и заброшенность городов, очевидные во многих регионах Малой Азии уже в конце средневизантийского периода, – контрастом чему было укрепление и рост сел [см. об этом: 4, р. 13–15; 3, р. 1010–1043; 6, р. 171–194].

Напротив, выводы Н. Бакирциса («Фортификации и формирование византийского города», р. 272–289), видимо, применимы в основном к Греции, где цивилизация ромеев нуждалась в упрочении обороны городов, чтобы удержаться в обстановке славянских вторжений в сельскую хору. «Оборонительные сооружения, как считает Бакирцис, обеспечивали континуитет (*continuity*) и играли решающую роль в адаптивной устойчивости византийских сообществ. Отделенные от сельской местности защитными сооружениями, организация и топография городов отражали их роль как административных центров и центров религиозной, социальной и экономической жизни» (р. 283). Как мы видим, в понимании функций города

Бакирцис близок М. Я. Сюзюмову, хотя работы уральского византиниста ему неизвестны.

В связи с этим уместно обратить внимание на то, что в средневизантийской Малой Азии такие центры как Милеет были просто заброшены, как только исчезла потребность в их укреплении для защиты от арабов (см. ниже). Однако Малая Азия в данном аспекте все равно представляет для Бакирциса меньшую проблему, если судить по характеру его аргументации в отношении истории Анкиры (р. 282–283), поскольку он ссылается на монографию К. Фосса «Византийская Анкира» (р. 289, п. 61), игнорируя обширную более позднюю литературу, которую можно найти в работе, написанной Серин (р. 154–155, fig. 7.6) [ср., например: 5, S. 44–45].

В связи с подобными наблюдениями над судьбами конкретных византийских центров объективно напрашивается старая проблема – степень корректности использования совокупностей археологических и письменных данных о том или ином регионе Византии. Здесь надо заметить, что въедливый читатель рецензируемой книги обнаружит себя вознагражденным прежде всего каскадом эмпирики, не касающейся обобщений в стиле справочника о некоем «византийском городе», но презентующей и препарирующей недавние и новейшие результаты исследований конкретных полисов, а также новейшую методику анализа отдельных мест или памятников. А. Гандила делает смелые выводы из анализа находок монет в городах по всему (!) побережью Черного моря (р. 107–138), Н. Каридис предполагает, что храмы святых Сергия и Вакха в Константинополе изначально могли быть не купольными, а с деревянной кровлей (р. 247–271), М. Харпстер и М. Джонс обобщают археологические, текстологические и геоморфологические данные для моделирования и понимания того, как с течением времени менялся прибрежный ландшафт между Салерно и Пунта Кампанелла (часть хоры византийского Амальфи) (р. 352–367), А. Кутупас рисует яркую картину сохранившейся поздней античности в арабской Александрии (р. 368–383), а Д. Врум предоставляет познавательную информацию о «коммерческой деятельности и керамических находках в Константинополе (ок. 500–1000 гг.)» (р. 427–450). Эти и многие другие работы (всего 21) демонстрируют изрядное разнообразие тем и исследовательских методик, и если этот принцип комплектования сборника принять как сильную сторону подхода к византийскому урбанизму и особенно к проблемам синтеза данных археологии и нарратива, то рецензируемая книга оставит свой след в византииcтике не вопреки, а потому, что в ней не удается описать «византийский город» как единое «урбанистское явление» и «опыт».

При ознакомлении с суждениями Бакирциса, однако, возникает проблема поиска ключа к аббревиатурам, присутствующим в приводимой библиографии, поскольку ни одна из этих аббревиатур в рецензируемой книге не расшифрована, а каждая из глав (статей) сборника оформлена по собственным правилам. Исходя из подобного казуса, оптимальный выход представляется во внимании к оформлению ссылки 14 (р. 287): «Foss, Late Antique and Byzantine Ankara. (DOP 31, 1977, pp. 27–87)». Однако, поскольку К. Фосс в 70–90-х гг. часто занимался лишь византийской Анкирой, то такая ссылка помогает только частично. К тому же ситуация усугубляется при чтении других работ сборника, где используются другие аббревиатуры, причем такие, которые включены в весьма неполные библиографические ссылки. Классический пример – глава 15 под авторством Д. Кроу. Читателю приходится гадать, о каких работах ученого идет речь, когда приведена ссылка «Crow. Walls» (р. 349, п. 1), – поскольку Джеймс Кроу опубликовал довольно много работ о самых разных византийских стенах, валах и вообще об укреплениях.

Схожие недоразумения можно увидеть и в подписях к иллюстрациям, – например, в гл. 15, fig. 15.4 (р. 339), где подпись гласит: «A nineteenth-century by Sebah and Joaillier and comes from the author's archive». К счастью, на самом изображении есть подпись «N. 8. Brousse – Vue panoramique du faubourg de Tchékirgué. Sébah and Joaillier 1894» («N. 8. Бурса – Панорамный вид на пригород Чекирге. Себах и Жоайе 1894»). Ясно, что фотография была частью серии фото или альбома (как было модно в то время), что она была сделана в 1894 г. и что на ней изображен Чекирге, тогда пригород, а сегодня квартал Бурсы (запад Малой Азии). Эту небрежность, конечно, можно игнорировать как тривиальную, – если учитывать, что в ряде глав выводы вообще не вызывают споров. Например, в исследовании М. К. Ка-

риле «Монументальность и византийский город» (р. 290–310) делается вывод о том, что «не только византийцы обладали чувством монументальности и реализовывали его, но и сами построенные ими города, став монументальными, продолжают оставаться таковыми и сегодня» (р. 304). То же можно сказать о работе Э. Георги «Вода и византийский город» (р. 311–333), где управление водными ресурсами характеризуется как относительно более утилитарное по сравнению с предыдущим римским периодом.

Некоторые случаи исследовательской небрежности в сборнике потенциально более серьезны, нежели отмеченные раньше. Например, на рисунке 18.1 с примечанием 28 (р. 104) присутствует знаменитая трирская поделка из слоновой кости, подпись указывает на «четвертый век», но библиографические ссылки по поводу сего артефакта устарели на четверть столетия, игнорируя многие более поздние публикации и вероятную дату – VIII в. [из недавних работ см.: 1, р. 28–47; 2, р. 93–98; 6, р. 224–227]. Еще пример – в работе М. Ангар (р. 452) презентует храм Св. Бенуа, «построенный в 1427 году» в качестве примера памятников «Генуэзской Перы», хотя эта церковь была фактически построена примерно столетием ранее как типично византийский храм для греческой православной общины за пределами генуэзских владений.

Характеристика судьбы Бурсы еще более запутана. В самом деле, большая часть османской строительной деятельности оставила «составленные смутные следы» (*tantalizingly vague traces*) более ранних, античных и византийских зданий, которые С. Чагаптай исследует в своей статье (р. 334–351), стараясь показать, как «ранний османский город Бурса вырос из поздневизантийской Прусы, которая, в свою очередь, выросла из классической Прусы» (р. 334). Чагаптай приводит доводы в пользу континуитета урбанистических состояний этого центра и сравнивает данный феномен с более обеспеченным источниками случаем «Милет – Палатия – Балат», стараясь увидеть подобные явления в пространстве далее на юге в западной Малой Азии (р. 346–347, fig. 15.10), – но, полагаю, это ошибочный метод. Ранневизантийский Милет был в упадке и оказался полностью заброшен в средневизантийский период. Что же до поздневизантийской Палатии, то она была новым поселением под новым названием на Театральном холме, отдельным от того, что раньше было ранневизантийским Милетом (см. исследование Серин, р. 151), а турецкий Балат был построен за пределами своего поздневизантийского предшественника и не связан с ранневизантийским Милетом. Если уж на то пошло, агломерация Милет – Палатия – Балат является примером разрыва, а не континуитета, и этот разрыв ставит вопрос, могли ли Бурса или любой другой город испытать подобную судьбу?

Так или иначе, но многопрофильное и относительно упорядоченное содержание сборника вкупе с плюрализмом методик исследований позволяет авторам изрядно поколебать историографический баланс между «окраинами» и «метрополией» Византии, а также не ослаблять внимания к территориям, которые часто называются периферийными, – к таким как полисы-эмпории Черного моря, а также города на Крите, Кипре и Сицилии, где в последние десятилетия проводились и проводятся впечатляющие по результатам раскопки. В итоге можно констатировать, что назвать *Handbook* коллективной монографией или справочником в привычном для нас смысле затруднительно, хотя здесь бы как соблюдалась оптимальное соотношение между историко-теоретическими обзорами и детальными наблюдениями над солидными группами эмпирики. Этим такая книга и способна привлечь внимание ученых-специалистов, студентов и энтузиастов, а, следовательно, может быть интересна всем, кто хотел бы глубже понять не только византийский урбанизм, но и цивилизацию ромеев вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chatterjee P. Iconoclasm's Legacy. Interpreting the Trier Ivory // Art Bulletin. 2018. Vol. 100, No. 3. P. 28–47.
2. Cutler A., Niewöhner Ph. Towards a History of Byzantine Ivory Carving from the Late Sixth to the Late Ninth Century // *Mélanges Catherine Jolivet-Lévy* / Eds. S. Brodbeck, A. Nicolaïdes, P. Pagès, B. Pitarakis, I. Rapti, É. Yota. Paris, 2016. P. 89–107. (Travaux et Mémoires, 20).
3. Fildhuth J. Pergamon // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Vol. VII. Fasc. 55. Stuttgart, 2023. S. 1010–1043.
4. Hugh G. J. Middle Byzantine Aphrodisias. The Episcopal Village, AD 700–1200. Wiesbaden, 2022. (Aphrodisias, 12).
5. Izdebski A. Ein vormoderner Staat als sozioökologisches System. Das oströmische Reich 300–1300 n. Chr. Dresden, 2022. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa, 59).
6. Niewöhner Ph. Not a Consumption Crisis. Diversity in Marble Carving, Ruralisation, and the Collapse of Urban Demand in Middle Byzantine Asia Minor // Feeding the Byzantine City. The Archaeology of Consumption in the Eastern Mediterranean (ca. 500–1500) / Ed. J. Vroom. Turnhout, 2023. P. 171–194. (Medieval and Post-Medieval Mediterranean Archaeology. Series 5).
7. Niewöhner Ph. The Significance of the Cross before, during, and after Iconoclasm. Early Christian Aniconism in Constantinople and Asia Minor // Dumbarton Oaks Papers. 2020. Vol. 74. P. 185–242.

REFERENCES

1. Chatterjee P. Iconoclasm's Legacy. Interpreting the Trier Ivory. *Art Bulletin*, 2018, vol. 100, no. 3, pp. 28–47.
2. Cutler A., Niewöhner Ph. Towards a History of Byzantine Ivory Carving from the Late Sixth to the Late Ninth Century. S. Brodbeck, A. Nicolaïdes, P. Pagès, B. Pitarakis, I. Rapti (eds.), *Mélanges Catherine Jolivet-Lévy*, Paris, 2016, pp. 89–107. (Travaux et Mémoires, 20).
3. Fildhuth J. Pergamon. *Reallexikon zur byzantinischen Kunst*, Stuttgart, 2023, vol. VII, fasc. 55, S. 1010–1043.
4. Hugh G. J. *Middle Byzantine Aphrodisias. The Episcopal Village, AD 700–1200*. Wiesbaden, 2022, LXI, 238 pp. (Aphrodisias, 12).
5. Izdebski A. *Ein vormoderner Staat als sozioökologisches System. Das oströmische Reich 300–1300 n. Chr.* Dresden, 2022, 196 p. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa, 59).
6. Niewöhner Ph. Not a Consumption Crisis. Diversity in Marble Carving, Ruralisation, and the Collapse of Urban Demand in Middle Byzantine Asia Minor. J. Vroom (ed.), *Feeding the Byzantine City. The Archaeology of Consumption in the Eastern Mediterranean (ca. 500–1500)*, Turnhout, 2023, pp. 171–194. (Medieval and Post-Medieval Mediterranean Archaeology. Series 5).
7. Niewöhner Ph. The Significance of the Cross before, during, and after Iconoclasm. Early Christian Aniconism in Constantinople and Asia Minor. *Dumbarton Oaks Papers*, 2020, vol. 74, pp. 185–242.

Информация об авторе

Козлов А. С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, AuthorID: 769136.

Author information

Kozlov A. S. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.